

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИММАНЕНТНО ПРИСУЩИЙ ПРИЗНАК ГЕНДЕРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

А.Г. Фомин

*В данной статье систематизированы существующие в настоящее время подходы к исследованию языкового сознания, рассмотрена корреляция психологических понятий **личность – сознание** с психолингвистическими **языковая личность – языковое сознание**, детерминировано понятие **гендерная языковая личность**.*

Как известно из психологии, главным признаком личности является сознание. Эти понятия настолько тесно связаны друг с другом, что одно немыслимо без другого. Главным признаком языковой личности является наличие языкового сознания и языкового самосознания.

Для более глубокого проникновения в суть понятий языковая личность и языковое сознание, которые до сих пор остаются некими «ясно-смутными» для исследователей сущностями, несмотря на огромное количество работ, посвященных этой тематике, необходимо определить понятия «личность» и «сознание».

Согласно Л.С. Выготскому, личность первична по отношению к деятельности и сознанию (общение также понимается как деятельность), и в то же время именно деятельность и сознание и определяют личность. Тезис о культурной детерминированности личности лег в основу концепции личности Выготского [Выготский, 1984]. А.Н. Леонтьев, сформировав идею личности человека как «сгустка жизни, продукта ее кристаллизации в форме субъекта», утверждает, что «отдельные деятельности, в результате иерархизации которых и возникает личность, связываются в своеобразные узлы» [Леонтьев, 1994:200]. В итоге образуется новый уровень сознания – сознания личности. Итак, наличие у личности сознания дает ей возможность совершать личностный выбор деятельности, а также организовывать свое поведение и управлять им.

Наличие у личности сознания – необходимое условие «абсолютно-ценной личности», участвующей в «абсолютно-ценном общении» [Ухтомский, 1996]. По А.А. Ухтомскому (ученый использует для обозначения понятия «личность» термин «лицо»), «лицом» человек становится только в том случае, если признает наличие и право на существование в обществе других равноценных

ему «лиц» [там же], также выбирающих для себя вид деятельности и делающих это осознанно.

А.Г. Асмолов подчеркивает определяющую роль сознания в выборе личностью той деятельности и того образа жизни, которые в дальнейшем будут определять ее развитие. «Быть личностью – значит иметь активную жизненную позицию, о которой можно сказать: на том стою и не могу иначе. Быть личностью – значит осуществлять выборы, возникающие в силу внутренней необходимости, суметь оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и обществом, в котором живешь» [Асмолов, 1996: 470].

Психологическая характеристика личности, данная Д.А. Леонтьевым, такова: личность характеризуется функциями выделения субъектом себя из окружающего мира, выделения презентации и структурирования им своих отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений...» [Леонтьев, 1999: 154].

Перечисленные положения актуализируются во многих работах современных исследователей. Например, Б.С. Братусь пишет, что «формирование и самостроительство в себе человека, сама способность и возможность такого самостроительства подразумевает наличие некоего психологического орудия, органа, постоянно координирующего и направляющего этот невиданный, не имеющий аналогов в живой природе процесс. Этим органом и является личность человека» [Братусь, 2000:55]. Мы считаем возможным уточнить эту формулировку, добавив, что этим орудием является сознание личности человека.

Уже в XIX веке появились теория апперцепции В. Вундта, интенционального акта Ф. Brentano, потока сознания У. Джемса. Эти авторы понимают сознание прежде всего как

представленность субъекту определенных содержаний (ср: понимание в российской психолингвистике языкового сознания как совокупности перцептивных и концептуальных знаний личности об объектах реального мира, о чем будет подробнее сказано ниже).

В отечественной психологии данная тема разработана в трудах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева [см. Рубинштейн, 1998; Леонтьев, 1975].

Л.С. Рубинштейн понимает сознание как психическую деятельность, состоящую в рефлексии мира и самого себя. «Единицей» сознательного действия является целостный акт отражения объекта субъектом, включающий единство двух противоположных компонентов: значения и отношения (далее будет показано соотношение данного понимания термина «сознание» с одной из интерпретаций термина «языковое сознание»).

Естественно, нельзя не отметить роль современной когнитивной психологии в разработке понятия «сознание».

Еще раз подчеркнем, что данный краткий дискурс в понимание термина «сознание» и его роли в формировании и деятельности личности, на наш взгляд, важен для исследования следующего соположения: личность – сознание / языковая личность – языковое сознание.

Так же, как главным признаком личности является сознание, основным атрибутом языковой личности является наличие языкового сознания. «Личность – это всегда выбор, а затем и поступок» [Брудный, 1971:21]. Этот поступок является «проявлением субъекта», который выражает свое отношение к другим людям и окружающему миру [Рубинштейн, 1998:455]. «Это действие включается в более обширное целое деятельности данной личности и лишь в связи с ней может быть понятно» [там же:468].

Все сказанное выше можно отнести к языковой личности и использовать в исследовании для более глубокого понимания данного феномена. Языковая личность (ЯЛ), обладающая языковым сознанием (ЯС), совершает поступки – занимается речетворчеством, ее выбор – это определенное речевое поведение, ее роль в речевом акте – это единица деятельности языковой личности. Это тот процесс, в котором активно участвует языковая личность, выступая как творческое начало. Так же, как главным признаком личности является сознание, основным атрибутом языковой личности является наличие языкового сознания.

Итак, под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся:

- а) степенью структурно-языковой сложности,
- б) глубиной и точностью отражения действительности,
- в) определенной целевой направленностью

(в определении соединены способности человека с особенностями порождаемых интересов).

Теория языковой личности Ю.Н. Караулова предполагает наличие у языковой личности лексикона, грамматикона, семантикона, прагматикона, которые являются расплывчатыми и пересекающимися множествами [Караулов, 1987:91]. Караулов предлагает выделять 3 уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный (или лингвокогнитивный) и мотивационный, управляющий "субъективированной языковой семантикой", т.е. ассоциативно-вербальной сетью, в которой осуществляется переход из «внешнего во внутреннее» и наоборот, и который позволяет дешифровать «субъективные знания о мире» [Караулов, 1987:174]. Следовательно, необходимо принимать во внимание то, что языковая личность трактуется не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии (как субъекта, осознанно совершающего поступки), не как еще один ракурс ее изучения, наряду, например, с «этической», «юридической», «экономической» личностью, а как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психологические, и социальные, и этические, и другие компоненты, но преломленные через язык.

Полотипизированная гендерная личность, как и языковая личность, является носителем ЯС. Поэтому обозначим ее как гендерную языковую личность (ГЯЛ), которая, как мы полагаем, обладает всеми характеристиками языковой личности, во многом схожа с ней по структуре. Однако необходимо помнить, что в основе ГЯЛ лежит гендерный тип личности (мужской, женский, андрогинный), определенный по гендерной схеме с использованием полоролевого опросника С. Бем [Фомин, 2003]. Данное положение влияет на структуру ГЯЛ, в которой считаем возможным выделить еще один – четвертый лингвогендерный уровень (учитывая три уровня в

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИММАНЕНТНО ПРИСУЩИЙ ПРИЗНАК ГЕНДЕРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

структуре ЯЛ, отмеченных выше). Данный уровень позволяет выделить гендерные особенности языка / речи ЯЛ, которая уже будет рассматриваться как ГЯЛ. Основной единицей лингвогендерного уровня будем считать лингвогендер, под которым понимается любое проявление гендерной характеристики личности в языке / речи. При рассмотрении ГЯЛ как психолингвистической модели лингвогендер выступает как один из компонентов ее структуры.

Переходим к обзору имеющихся трактовок и анализу понятия ЯС. Данное сочетание, ставшее в известной мере «модным», по выражению Т.Н. Ушаковой, активно используется в психологических работах последних лет, объединяя специалистов психологической ориентации, но остается в то же время достаточно неопределенным и получает множество различных интерпретаций. Из определения ясно, что данное понятие адресует нас к той области, где сознание выражает себя вербально. Язык как «скрытая сущность» проявляет себя через слово, вербально, т.е. через речь. Из этого следует, что термин «языковое» нужно понимать как «вербальное», т.е. в широком смысле, не учитывая дихотомию язык – речь. В отечественной психолингвистике ЯС трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей. Е.Ф. Тарасов подчеркивает неоднозначность трактовки понятия ЯС. Согласно одному из представлений о ЯС, существующих в лингвистике, ЯС является рефлексией над языком и модусом его существования [Успенский, 1989]. Несколько иное понимание ЯС находим у А.Н. Леонтьева. ЯС – это некие «фигуры сознания» – некая совокупность перцептивных и концептуальных знаний. Следовательно, «образ сознания состоит из умственной и чувственной частей» [Леонтьев, 1983]. Традиция разграничения двух видов знания восходит к Л.С. Выготскому, выделившему в сознании 2 уровня – бытийный и рефлексивный. Согласно ученому, знания, сформированные при познании внешнего, предметного мира, образуют бытийный уровень, рефлексия над ними приводит к формированию т.н. рефлексивного уровня знаний. В качестве примера лингвистической интерпретации понятия «знание» можно привести теорию Ю.С. Степанова, который связывает различие двух видов знания со значениями корня зна – (высшее знание, истин-

ное знание) и корня вед – (знание, поведенное другим человеком) [Степанов, 1997:339].

Г.В. Ейгер и И.А. Рапопорт также придерживаются точки зрения о неоднозначности термина «языковое сознание». Они указывают, что «языковое сознание» функционирует в научных текстах не как однозначное терминосочетание, а в качестве интуитивно найденного обозначения различных «ясно-мутных» представлений об обозначаемых, часто синонимичных «языковому мышлению» явлений [Ейгер, Рапопорт, 1991:46-47]. Действительно, многие авторы определяют как синонимичные термины «языковое мышление» и «языковое сознание». Рабочее определение понятия сознание дает Ю.А. Сорокин, понимающий под сознанием «совокупность когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, имеющих нейрофизиологическую основу», а под ЯС соответственно «способ стабилизации вербального опыта, позволяющий фиксировать и останавливать динамический поток опыта, переводя его в статическое состояние» [Сорокин, 1994:164-165]. Ю.А. Сорокин считает возможным объединить воедино орудийно-предметное, языковое, речевое и семиотическое сознание при опредмечивании индивидуального, группового и этнического опыта и конструировании «образа мира». В отличие от него, Е.Ф. Тарасов разграничивает языковое, метаязыковое и неязыковое сознание [Тарасов, 2000].

Многие ученые трактуют языковое сознание с позиции «образа мира» или «картины мира» (в этой главе мы также уделим внимание данным понятиям). Например, А.А. Залевская полагает, что языковое сознание «следует рассматривать как один из уровней в структуре целостной картины мира человека, т.е. как один из вариантов возможных схем освоения мира, в наибольшей мере приспособленный для целей коммуникации» [Залевская, 1996:87]. И.А. Стернин связывает понятие «языковое сознание» с понятием «языковой нормы» и указывает на наличие в нем ярко выраженного ценностного элемента [Стернин, 1996].

А.И. Новиков выделяет «широкое» и «узкое» значение термина языковое сознание. В первом случае двусторонний знак выступает как способ отражения объективного мира, во втором имеется в виду отражение специфической языковой структуры в подсознании носителя языка, который выбирает и употребляет определенные языковые средства в процессе коммуникаций, используя для этого свою речевую компетенцию.

Здесь языковое сознание выступает критерием правильности построения языкового произведения [Новиков, 2000].

Г.В. Ейгер определяет языковое сознание как один из видов обыденного сознания, который является механизмом управления речевой деятельностью, формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы. Ейгер считает ЯС обязательным условием существования и развития всех других форм сознания. Это приводит к мысли, что специфика ЯС обнаруживается в процессе его функционирования, т. е. через конкретные проявления, что в свою очередь указывает на необходимость анализа функций языкового сознания. Ейгер выделяет следующие функции языкового сознания: отражательную, оценочную, ориентировочно-селективную, интерпретационную, регулятивно-управляющую [Ейгер, 1992]. Это функциональный подход к рассмотрению языкового сознания, которое трактуется как некое орудие, инструмент, выполняющий определенный набор функций.

Таким образом, ЯС как одна из частей, один из уровней, слоев бытового сознания может рассматриваться как средство формирования, сохранения и переработки с одной стороны, языковых единиц и их значений, а с другой – отношения носителей языка к языковым единицам, их оценка. Это раскрывающаяся субъекту языковая картина мира, в которую включен сам субъект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М. - Воронеж, 1996.
2. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. М., 2000.
3. Брудный А.А. Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова / М., 1971, с. 19-27.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.6. М., 1984.
5. Ейгер Г.В., Рапопорт И.А. Язык и личность. Харьков, 1991.
6. Ейгер Г.В. Языковые способности: учебное пособие. Харьков, 1991.
7. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
10. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1, 2. М., 1983.
11. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994.
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
13. Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2000, с. 33-39.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб, 1998.
15. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара, 1994.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.
17. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
18. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2000, с. 7-23.
19. Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковно-славянского и русского языка // Византия и Русь. М., 1989.
20. Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб., 1996.
21. Ушакова М.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. М., 2000, с. 13-24.
22. Фомин А.Г. Гендерная схема как когнитивная структура гендера, репрезентированная в речевой деятельности // Языковое бытие человека и этноса. М. - Барнаул, 2003, с. 199-203.